

СОЦИОЛОГИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ АКЦИОНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Глухих Алена Юрьевна

к.социол.н., старший преподаватель кафедры культурологи

Пермский государственный технический университет

Введение

Социологам хорошо знакомо чувство скуки и следующее за ним раздражение, которое их охватывают при чтении исследовательских работ, посвященных проблемам потребительского поведения. Казалось бы, социология потребления, напротив, сегодня должна переживать подъем. Во всяком случае, все социальные основания для него налицо: интенсивность и многообразие потребительских практик, к тому же реализуемых в сложной высококонкурентной рыночной среде, имиджевая заданность образов потребления, наконец, та значимость, которая придается потреблению социальными агентами. Тем не менее было бы изрядным преувеличением утверждать, что социология потребления переживает второе рождение, демонстрируя смелые гипотезы, новые концепты, отточенные инструменты и фундаментальные исследования. Практики маркетинга сталкиваются со слабой обоснованностью выводов. Некоторые из них кажутся продуктом интеллектуальной игры, что до определенной степени свойственно, например, культурологическому направлению, отождествляющему потребительские практики с символическим обменом [Радаев 2005: 5]. Далее, зачастую систематизация количественных данных имеет исключительно дескриптивный характер, аналитика не обогащается существующими социологическими теориями экономического поведения. В результате социологические исследования потребительского поведения напоминают опросы общественного мнения. В своих построениях некоторые социологи отказываются от теоретических концептов в пользу сугубо психографических техник, тем самым обедняя содержание исследования, более того, лишая экономического человека его социальной природы. Вернуть потребителю социальные свойства, а его поведению социальное измерение – на наш взгляд, задача первостепенной важности для экономической социологии.

Настоящая статья, по авторскому замыслу, претендует на теоретический характер; она представляет нашу позицию относительно теоретического и практического исследовательского потенциала категории «стиль жизни» для изучения потребительского поведения. Исходным пунктом наших рассуждений является представление об относительном тождестве культуры, понимаемой как технология поведения, и потребления, также рассматриваемого в контексте поведенческих практик.

Культура, стиль жизни и социология потребления

Концептуальная связка «стиль жизни – потребительское поведение» признана среди социологов. Выявить же приоритет теоретической разработки одной из категорий этой пары, по сути, невозможно; их определение и исследование тесно переплелись между собой. Опосредующим звеном, делающим взаимосвязь этой категориальной пары столь крепкой и очевидной, является культура. Стиль жизни отражает субкультуру социальной группы, посредством различных социальных практик, в том числе и потребительских. Впервые подобная логика присутствовала в трудах классиков социологии: М. Вебера, Т. Веблена, Г. Зиммеля.

Рассматривая историографию теоретической и эмпирической взаимозависимости стиля жизни и потребительского поведения, необходимо учитывать тот факт, что первый,

несомненно, концептуально объемнее последнего. Поэтому анализ жизненных стилей неминуемо вводит в круг проблем, напрямую не связанных с потреблением.

М. Вебер использует термин «стиль жизни» при разработке теории стратификации общества, основанной на трех показателях: собственности, власти и престиже. Жизненные стили являются атрибутами статусных групп, социальных классов, характеризующими поведенческие особенности их членов: манеры, вкусы, питание, быт, сленг и т.п. Следовательно, содержательно стиль жизни является продуктом статусных субкультур, включающих набор ценностных ориентаций, норм, правил, традиций, а также систему символов и навыки поведения. Демонстрация определенных стилевых особенностей жизненных практик соответствующих статусных групп – это обязательное условие интегрирования личности в данную группу, с одной стороны, и инструмент статусного дистанцирования – с другой [Вебер 1994]. Заложена Вебером традиция изучения стиля жизни в контексте социальной стратификации по сей день остается наиболее влиятельной.

Предметом изучения Т. Веблена стали демонстративные практики потребления, именно в этом контексте он обратился к стилю жизни. Как и теория статусной стратификации общества Вебера, теория демонстративного потребления описывает механизм борьбы за социальные позиции, открывающие доступ к различного рода ресурсам и почестям. Демонстративное потребление, ассоциируемое с определенным жизненным стилем, символизирующим социальные достижения, жизненный успех, позволяет индивиду воспроизводить свою принадлежность к избранному сословию, классу. Веблен, таким образом, стал основоположником традиции изучения стиля жизни в контексте потребительского поведения. Его книга «Теория праздного класса» [Веблен 1984] «канонизирована» социологией потребления. Однако центральная идея теории о демонстративности актов потребления как стремлении быть увиденным, замеченным, стать явным, как об одном из механизмов достижения статуса в современных исследованиях потребительского поведения часто лишь декларируется либо упускается вовсе.

И теория демонстративного потребления Веблена, и теория статусной стратификации общества Вебера описывают механизм конкурентной борьбы за социальные позиции, открывающие доступ к различного рода ресурсам и почестям. Расхождение же заключается в различных «технологиях» этой борьбы. Если статусные группы Вебера стремятся к дистанцированию, к закрытию своих границ от постороннего проникновения и обладают групповым единством, то потребители Веблена безостановочно нарушают все возможные границы, что, собственно, и составляет суть его теории. Как верно утверждает Пол Димаджио: «...рынки превращают культурные иерархии из дискретных страт в континуум. Более того, индивидуализированная конкуренция и непрерывность иерархии нередко вызывают культурную инфляцию, обесценивая информационную стоимость потребления с точки зрения статусной группы» [Димаджио 2004: 55].

Весомый вклад в развитие данного подхода внес П. Бурдьё. В его трудах тема потребления и стиля жизни не является центральной, однако именно он впервые придал стилю жизни категориальное и инструментальное значение. Определение стиля жизни конструируется Бурдьё через два других понятия – социальное пространство и габитус. Обладание определенным количеством ресурсов (капиталов), позволяет агенту занять соответствующую позицию в социальном пространстве – социальном классе. Сформированные таким образом условия существования инкорпорируются в габитусе агента в виде схем восприятия и одновременно схем воспроизводства повседневного опыта. Приспособление практик к условиям существования, их соотнесение формирует вкус в виде выразительной интенции, объединяющий социальные практики агента в единый стиль жизни. Отсюда, стиль жизни представляет собой целостное множество отличительных предпочтений, выражающих одну и ту же интенцию во всех повседневных практиках агентов, занимающих одинаковую позицию в социальном пространстве. В данном случае дистанцирование посредством

различия становится обязательным условием позиционирования и закрепления стилей жизни социального класса в социальном пространстве.

Несомненным преимуществом концепции стиля жизни Бурдые является ее инструментальность, т.е. она интересна не только тем, что хорошо разработана на уровне методологии, но и тем, что обладает вполне конкретной методикой исследования проблемы. Именно это сделало концепцию популярной среди современных социологов-эмпириков.

Генетический структурализм усложнил объяснительную схему социального поведения, ввел дополнительное звено в интерпретацию социальных действий. В отличие от предшественников, полагающих, что именно ценности являются определяющим фактором человеческого поведения, генетический структурализм предполагает, что между ценностью и поведением скрывается система предпочтений, представленная в виде установок, или диспозиций. Именно она позволяет индивиду сделать выбор между подобными социальными актами, найти в гомологических рядах услуг, товаров, политических программ, информационных посланий и пр. свой собственный источник притяжения, тем самым выработать свой собственный стиль. На наш взгляд, в современном обществе представляется затруднительным отождествить опосредующее звено с закрепленной социальной позицией, безразлично в ее целостном ли виде или в ее отдельных характеристиках. Социальные трансформации в обществе постоянно проблематизируют указанные позиции, побуждая участников общественного процесса заново определять свое социальное лицо, корректировать свой стиль жизни.

В отечественной социологии также существуют тенденции, во-первых, отождествлять стиль жизни с определенной субкультурой социальной группы, а во-вторых, ссылаться на нее в процессе изучения потребительского поведения. Полагаем, что во многом, это следствие влияния советской социологии образа жизни, чрезвычайно популярной в 1960–1980-е годы. Анализу образа жизни были посвящены десятки монографий и сотни статей. Среди социологов, занимавшихся в те годы проблемами образа жизни, есть и очень известные фигуры: О. Шкаратан, Э. Орлова, Я. Щепанский, О. Яницкий, Л. Коган, И. Бестужев-Лада. Образ жизни имел прежде всего идеологическое значение, существовало такое понятие, как социалистический образ жизни [Ципко 1976: 40–41].

«Образ жизни» – многомерная категория, «ядром» которой является набор видов социальной активности, отражающих повседневную жизнь людей, необходимых для выявления соотношения установившихся, типичных и индивидуальных характеристик жизнедеятельности людей. Образ жизни изучался посредством таких категорий, как «уровень жизни», «качество жизни», «уклад жизни», «стандарт жизни» и «стиль жизни». Первые четыре категории были хорошо разработаны и позволяли оценить образ жизни с точки зрения количественных или качественных показателей, либо, как в случае со «стандартом жизни», определить степень отклонения образа жизни социальной группы от статистически заданной моды.

«Стиль жизни» в советской литературе исследователи определяли неоднозначно. В частности, в определениях стиля жизни либо делался упор на социально-психологических аспектах образа жизни [Бестужев-Лада 1974], либо подразумевалась его индивидуализация в повседневных практиках [Социалистический образ... 1976: 60], либо он отождествлялся со способами удовлетворения потребностей личности [Янкова 1974: 105].

Отечественная социология всегда тяготела к холистской философской традиции, следовательно, социальные структуры и процессы довлели над индивидами, определяли их социальную активность. Поэтому приоритет в теоретических разработках и эмпирическом изучении отдавался не стилю жизни, а образу жизни, отражающему социальные принципы организации способов жизнедеятельности. Использование категории «образ жизни» для характеристики общества, жестко структурированного и институционализированного, представляется вполне оправданным. Для общества же с неустойчивой социальной

структурой, с выровненными условиями социальной среды для индивидуальных форм социальной жизни необходима иная теория. Речь идет о том, что в ситуации, когда критерии социального статуса уже не так однозначны, как прежде, а свобода выбора собственных идентификационных образцов намного шире (т.е. в ситуации полистилизма культуры), возникает необходимость сместить фокус зрения с больших социальных общностей, классов на индивида.

Актуализация проблематики жизненных стилей в контексте изучения идентификационных процессов в условиях прогрессирующей стилевой дифференциации культуры обнаруживается в работах Георга Зиммеля. Поиск личностью собственной идентичности путем достижения баланса между общественными и внутренними импульсами, по версии Зиммеля, и представляет собой стиль жизни.

Взгляды Зиммеля на возрастающую культурную дифференциацию общества были развиты теоретиками общества постмодерна, постулирующими полистилизм культуры. По их мнению, современность диктует новые критерии стратификации общества, базовым из которых должен быть стиль жизни, конструируемый индивидом посредством использования символических образов потребляемых вещей, предлагаемых рынком в виде «наборов идентичности», придающих некую интенцию жизненным практикам. В наиболее общем виде стиль жизни можно определить как идентичность, достигаемую посредством потребления вещей-знаков.

Теоретики общества постмодерна З. Бауман, У. Бек, Ж. Бодрийяр и др. развивают идею индивидуализации общества, в соответствии с которой процесс идентификации приобретает новые черты. Если ранее, в эпоху модерна, идентичность была достаточно стабильным образованием и имела групповые формы, как правило, связанные с профессиональной занятостью, определяющей и классовую принадлежность, что давало акторам преимущества в виде социальной и экономической защищенности, то в обществе эпохи постмодерна ситуация коренным образом меняется. «Общество риска» перекладывает всю ответственность за собственную судьбу на плечи людей и не дает никаких гарантий. Индивидуализация в этом плане направлена на ликвидацию жизненных основ мышления в традиционных категориях крупных общественных групп – социальных классов, сословий или слоев. В итоге идентификация превращается в перманентный процесс. И поскольку жестких, статичных социальных структур не существует (как не существует и определенности в нормах, правилах и символике культуры), то стиль жизни, вслед за идентичностью, превращается в динамичную, пластичную, тяготеющую к трансформациям структуру.

Мы склонны идти вслед за посмодернистами, ставящими под сомнение целесообразность использования структуралистских парадигм в индивидуализированном обществе, а также выведшими на первый план научного анализа деятельного индивида; тем самым они актуализируют акционистскую парадигму, в рамках которой стиль жизни может приобрести новые смыслы, интерпретацию, логику изучения, функции. Предметом изучения должны стать повседневные практики, из которых и складывается жизнь нашего современника. Для этого необходима развернутая теоретическая база, включающая стройную методологию, точный понятийный аппарат и, конечно, набор концепций, позволяющих производить комплексные исследования. Одной из таких концепций является концепция стиля жизни.

Парадигма акционизма

Представленные выше теоретические разработки, имеющие отношение к стилю жизни, фокусировались на двух моментах: во-первых, на роли стиля жизни в функционировании классовой структуры общества и, во-вторых, на стиле жизни как инструменте идентификации личности, реализуемой главным образом посредством потребления. Оба

подхода обладают определенными преимуществами, однако, на наш взгляд, они не способны ответить на вопрос: почему в однотипной ситуации люди со схожими социальными, экономическими и культурными показателями поступают различным образом. Мы исходим из гипотезы о том, что повседневные практики индивидов обладают единой интенцией, определяющей стиль жизни. Последний, в конечном счете, выполняет регулирующую функцию по отношению к разнообразным социальным практикам. Отсюда и цель разрабатываемой концепции – создание теоретического конструкта стиля жизни, позволяющего на эмпирическом (прикладном) уровне интерпретировать социальные практики индивидов, в том числе и потребительские.

Итак, мы намерены представить повседневные практики, совершаемые индивидами, как проявление их жизненного стиля. Подчеркнем, нас интересуют именно индивидуальные практики, поскольку мы изначально отказываемся от рассмотрения стиля жизни как атрибута социальных групп, существующих реально или сформированных исследователями на основе показателей социального статуса, и принимаем противоположное суждение, подразумевающее социальные группировки путем агрегирования индивидов по показателям жизненных стилей. Подобная позиция подразумевает отказ от детерминирующего воздействия групповых отношений, а также обуславливает особый взгляд на взаимодействие различного рода социальных структур и индивидов. Таким образом, акцентирование внимания на социальном действии, сопряженное с их априорной интенциональной зависимостью, склоняет наш выбор в пользу методологического индивидуализма и, если шире, акционизма в качестве парадигмального основания концепции.

Акционизм как отдельное направление социологии получил наибольшее признание и развитие во французской социологии благодаря работам Раймонда Будона и Франсуа Буррико. В отечественной же социологии эта парадигма используется крайне редко, поэтому обозначим основные постулаты этой молодой, но достаточно популярной в европейской и американской социологии парадигмы.

В основе акционистской парадигмы можно обнаружить несколько методологических принципов, главный из которых, на наш взгляд – это принцип методологического индивидуализма.

В дискуссии, развернутой Д. Ронгом в 1961 г. о пересоциализированной концепции человека в социологии [Wrong 1961], К. Поппер, Ф.А. фон Хайек и В. Уоткинсон [O'Neill 1973] выдвинули идею методологического индивидуализма, основной постулат которого «...требует, чтобы все социальные явления и в особенности функционирование всех социальных институтов толковалось как результаты решений, действий, установок и т.д. индивидов и чтобы мы никогда не удовлетворялись объяснением в понятиях так называемых “коллективов”» [Верлен 2002: 15]. Поскольку общество состоит из действий субъектов, в нем участвующих, то только субъекты, а не группы или социальные классы, могут иметь цели. Таким образом, методологический индивидуализм опровергает холистский взгляд на наиндивидуальную природу социальной реальности. Внимание социологов сосредоточивается на субъекте действия, его стремлениях, мотивациях, ценностях, установках, т.е. на поиске субъективного смысла социального действия индивида.

Критика акционизма часто заключается в том, что он якобы помещает индивида в состояние социальной невесомости, некий вакуум. Это не вполне верно. Методологический индивидуализм допускает тот факт, что цели действующего субъекта никогда не могут быть полностью свободны от социальных влияний, но они и не могут детерминироваться обществом или коллективом. Подобное утверждение определяется позицией акционизма в отношении сущности и функции «пространства».

Акционизм отказывает пространству в детерминистическом воздействии и признает его не более чем условием или контекстом реализации социального действия. Подчеркнем, функциональное предназначение пространства заключается в описании определенного

порядка материальных объектов с учетом их особых измерений. Поскольку материальные факторы не являются единственными важными факторами, действия не могут быть объяснены только ими. Социальные действия реализуются в социальном мире, который придает им форму, но не детерминирует [Верлен 2001: 33].

Отсюда и особое отношение к институтам. Акционизм не отрицает существование норм, правил, традиций и иных структурных элементов социальных институтов, но отводит им вполне конкретную роль. Институты призваны описать ситуацию, в которой разворачивается социальное действие, при этом их составляющие могут рассматриваться как ограничители свободы действующего субъекта либо как необходимые условия, но ни в коем случае как единицы, воздействующие на что-либо. Методологический индивидуализм означает, что до определенной степени социальные институты как составляющие «социального мира» являются результатом интенций действующих лиц и результатом последствий их действий.

Рассматриваемая парадигма не предполагает социальную изоляцию индивидов, хотя и отдает приоритет в изучении именно индивидуальным действиям. Тогда возникает вопрос: как возможен переход социологического анализа от индивидуального действия к социальным явлениям и процессам, протекающим на макросоциальном уровне? Или же удел акционизма – микросоциология? Ответ на эти вопросы содержится во втором принципе акционизма, называемом эффектом сложения, и связанных с ним методологических установках. Рассмотрим их. Во-первых, парадигма предполагает процедуру агрегирования – группировку индивидов, обладающих определенным признаком, поэтому обращение к индивидуальным действиям не обязательно означает, что актер – это отдельный индивид. В качестве исследовательской единицы могут выступать и статистические агрегаты, отличающиеся от социальных групп, реальных или смоделированных социологами, тем, что они не предусматривают наличие гипостазированной целостности с собственными целями. В этом случае для объяснения макросоциальных явлений достаточно понимания индивидуальных действий.

Второе условие связано с существованием социальных явлений, которые нельзя свести к простому суммированию индивидуальных поступков. Речь идет о таких явлениях, как, например, крах на бирже или падение рынков в результате ажиотажного спроса, инфляция и т.п. Такие результаты могут не соответствовать интенциональности акторов, однако они происходят из-за действий каждого отдельного участника «игры». Подобные социальные явления приводят к необходимости признания того, что сложение индивидуальных поступков может производить эффект *sui generis* или «эмерджентный эффект». В контексте данной проблематики акционизм интересуется значением непреднамеренности и (или) желательности появления феноменов эмерджентных эффектов действия для акторов. Наибольшую известность приобрели работы по этой теме Р. Будона [Иршорн 1999: 42].

Таким образом, любые попытки отнесения акционистской парадигмы исключительно к микросоциологическому уровню представляются некорректными. Парадигма дает достаточно инструментария для вывода социологического анализа на макроуровень.

Третий принцип акционизма – наделение актора рациональностью. Речь идет об априорном статусе рациональности действия, обуславливающим возможность понимания этого действия [Иршорн 1999: 41]. Наделение актора рациональностью вовсе не означает, что все его поступки определяются этой рациональностью, а иррациональное отсутствует. Критерием, разграничивающим рациональное и иррациональное действие, является обоснованность действия, в противоположность утилитаристской мотивации рациональности в экономической теории. Принцип рациональности характеризует действие, соответствующее ситуации. Такой «широкий» смысл определения позволяет на исследовательском уровне учесть все разнообразие причин действия: интересы, уважение норм, приверженность традициям, веру в определенную теорию и многое другое, и тем самым преодолеть споры, ведущиеся в различных школах социологии. Правда, на наш

взгляд, подобная универсальность определения может также расцениваться и как слабая сторона, поскольку допускает излишнюю свободу в интерпретации мотивов действия.

Заканчивая рассмотрение основных принципов акционизма, отметим, что методологический индивидуализм объемней парадигмы акционизма, его применение встречается в различных современных социологических теориях. Например, в функционально-стратегическом подходе М. Крозье [Crozier 1961] и акционалистской социологии А. Турена [Турен 1998]. В обоих упомянутых случаях предполагается, что понимание социальных явлений без обращения к индивидуальному поведению невозможно. Однако их не следует относить к акционистской парадигме, поскольку здесь не меньшую роль играет и анализ структурных элементов. Для обеих теорий свойствен теоретический синтез, как следствие признания двойственности общественной жизни, где структурные ограничения и индивидуальное поведение выступают в виде равнозначных элементов социальной действительности.

Акционистская концепция стиля жизни

Выбор парадигмы акционизма обуславливает особую логику построения концепции стиля жизни, однако при соблюдении основных методологических принципов не ограничивает в применении идей иных теорий. В частности, будут использованы элементы теории габитуса Бурдьё, институциональный анализ, а также научные категории из области психологии и социальной психологии: диспозиции, аттитюды.

Подавляющее большинство социологических определений стиля жизни сходятся в том, что эта категория описывает различные жизненные проявления людей, при этом подчеркивает некое их своеобразие, неповторимость и, что не менее важно, целостность, т.е. способность охватывать все сферы жизнедеятельности, также часто выстраиваются зависимости между интериоризированными ценностями (или габитусом) и жизненным стилем. Конечно, содержательно определения могут расходиться, к тому же категория по-разному встраивается в «большую» теорию, однако, на наш взгляд, именно учет этих четырех пунктов (социальной активности, эксклюзивности, целостности и интенциональности) наиболее оправдан и делает социологический анализ жизненных стилей интересным, познавательным, высоко информативным. Поэтому разработка концепции связана главным образом с определением содержания основных переменных и описанием их взаимосвязей.

Стиль жизни представляет собой теоретический конструкт, состоящий из ряда компонентов, относящихся к одному из двух аналитических уровней, условно обозначенных нами как «внешний», раскрывающий непосредственную социальную активность, и «внутренний», т.е. ментальный, определяющий социально ориентированную личностную интенцию.

Парадигма акционизма предполагает приоритет внутреннего уровня, отражающего субъективные представления, цели, опыт, ценности и диспозиции. Однако это не означает, что внутренние структуры обладают неограниченной свободой, не поддаются воздействию социума. Социальное действие всегда контекстуально, следовательно, должно быть вписано в структуру социальных отношений, представленную в виде локальных порядков, т.е. институтов. Отсюда для описания внешних проявлений жизненных стилей необходимо обращение к институциональному анализу.

Можно утверждать с достаточно большой долей уверенности, что на сегодняшний день в социологии помимо институционализма нет другой теории, получившей такое признание и такое количество возможных интерпретаций. Ее родоначальниками были «отцы-основатели» социологии О. Конт и Г. Спенсер. Наибольшее распространение институциональный анализ получил в 1920–1950-е годы в американской социологии (Т. Веблен, Дж. Коммонс и У. Митчелл). В некотором смысле сейчас наблюдается новое «пришествие» институционализма в социологическую теорию, хотя, по большому счету, институты никогда и не покидали ее пределов. Возвращение интереса к анализу институтов произошло,

главным образом, благодаря новой экономической социологии, развивающейся параллельно с новой институциональной экономикой, центральными фигурами которой стоит назвать Р. Коуза, Д. Норта и О. Уильямсона. Новый институционализм в социологии – это, скорее, течения, подходы, нежели какая-то единая теория. Здесь существует множество вариантов интерпретации институтов, по-разному ставятся акценты в зависимости от области применения и проблематизации. Представители нового институционализма: Н. Флигстин, Н. Биггарт, П. Димаджио. У. Пауэлл, а также Л. Болтански и Л. Тевено.

Разграничение «старого», традиционного институционализма и нового институционализма начинается на методологическом уровне. Первый из них, как известно, основывается на методологическом холизме, объясняющем поведение и интересы индивидов через характеристики институтов, которые предопределяют взаимодействия между ними [Ростовцева 2004: 90]. Новые институциональные теории в меньшей степени связаны с «традиционной» социологией, нежели с экономической теорией, что позволило им укрепить фундамент методологического индивидуализма. Поэтому «старый» институционализм имманентно предполагает, что социальное взаимодействие, однажды пройдя институционализацию, приобретя институциональные формы, действует неизменно и, главное, однородно во всех ситуациях. Теория отрицает сам факт отхода от выполнения институциональных предписаний, а если таковое и происходит, то его исполнителя объявляют маргиналом, а его поведение «клеят» девиантным. Вину же за различные отклонения, несогласованность действий агентов институтов, сбои в социальных связях и т.п. перекладывают на кризис, системные проблемы общества [Краткий словарь... 1988: 89]. В этом смысле актуальной становится шутка о том, что социология является наукой о том, почему у людей нет никакого выбора [Тербон 2003: 46].

Новые институциональные теории идут другим путем, изначально учитывая вариативность социокультурного пространства, но главное, делая объектом анализа не стабильные группировки (семья, рабочий коллектив, кружок вышивания и т.п.), а сеть отношений, разворачивающуюся на определенной арене. Они рассматривают институты как локальные социальные порядки, которые могут быть названы «полями», «аренами» или «играми». В основу нового институционализма заложена теория социального конструктивизма, согласно которой создание институтов есть результат взаимодействия между акторами. Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, удачно описана В.В. Радаевым: «Традиционная социология игнорировала человека, способного принимать индивидуальные решения и делать осознанный выбор, а в традиционной экономической теории этот человек “повисал” в безвоздушном пространстве в отсутствие поддерживающих социальных структур. Следуя за новой институциональной экономической теорией, пытающейся осуществить синтез старого институционализма и традиционной неоклассики, новый институционализм в социологии пробует соединить достижения новой институциональной экономики и традиционной социологии» [Радаев 2001: 5]. Вопрос лишь в том, насколько удачно это соединение? Осуществимо ли оно?

Признание акционизма в качестве парадигмального основания автоматически определяет и выбор институциональных предпочтений, а именно: неоинституциональную теорию. Однако и структура, и статус институтов в концепции должны быть обозначены однозначно.

Мы исходим из представления о том, что институт – это инструментальная категория, позволяющая систематизировать социальную активность, поэтому в его структуру должны включаться элементы, помогающие описать и понять реальное, т.е. воплощенное социальное действие. Инструментальный статус институтов означает, что исследователь должен всегда помнить, что институт – не более чем научная конструкция, не имеющая своего онтологического статуса, т.е. не существующая самостоятельно, независимо от индивидуальных или групповых действий.

Представив социальный мир как сеть институтов, организующих социальную деятельность, необходимо концептуально «спуститься» от больших абстрактных систем до индивида, т.е. взглянуть на социальное взаимодействие не с позиции организованных структур, а с позиции индивида как единицы или субъекта этого взаимодействия. Мы полагаем, что подобный подход позволит, во-первых, обнаружить тот механизм, который не дает распасться личности на множество не связанных между собой идентичностей, а следовательно, преодолеть его атомизированность¹ [Грановеттер 2002], и, во-вторых, выявить внешнюю, поведенческую сторону жизненных стилей.

Индивид является центральной фигурой акционистской парадигмы, поэтому конструирование института должно быть строго ориентировано на него. Это, в свою очередь, означает, что именно категории, описывающие действия индивида, его «вхождение», приобщение к институту, превращение в актора, а не нормы и правила, являются определяющими элементами института. Наша задача, таким образом, заключается в представлении такой модели института, в которой актер, как исполнитель институциональной роли, получил бы право на собственные индивидуальные вариации. Другими словами, изначально предполагается, что прочтение, понимание и воплощение институциональных предписаний всегда индивидуально, а значит, зависит от воли и установок действующего лица. Функционирование актора в институте не ограничивается простым следованием предписаниям, оно всегда индивидуально окрашено. Индивид вкладывает личностные смыслы в содержание роли, по-своему оценивает достигаемые цели, самостоятельно расставляет приоритеты в ролевой модели поведения. Далее, эта рефлексия находит свое воплощение в практиках индивида. Отсюда возникает вопрос: как «поймать» эти стороны ролевого поведения индивида? Чтобы ответить на этот вопрос, сначала необходимо разобраться в составляющих элементах социального института, определить их структурную зависимость.

Рассмотрим институт через призму деятельностных актов, в нем совершаемых. Рассмотрим их в абстрактном виде как нисхождение от общего к частному, от частного к индивидуальному. В таком контексте институт предстает в виде четырехуровневой структуры.

Предположим, что институт задается некой ситуацией, в которой взаимодействуют акторы. Ситуация же очерчивается, во-первых, «темой» или «проблемой», в которой происходит коммуникация, во-вторых, акторами, вступающими в функциональные системные связи, и, в-третьих, временем и местом, в которых взаимодействие реализуется. Ситуация организует первый, наиболее общий уровень институциональной структуры. Отметим, что именно здесь определяются позиция актора в институте и та роль, которую ему предстоит играть.

Возможно, использование нами слова «ситуация» может показаться неудачным в силу двух причин. Во-первых, в социологической теории существуют разночтения в интерпретации этого понятия. Так, например, микросоциологами социальная ситуация воспринимается как реальность *sui generis*, характеризующаяся собственной динамикой и организацией, которую невозможно предсказать на основе знания характеристик отдельных акторов [Философия... 2004: 358]. В то время как К. Поппер, теоретик ситуационного анализа, утверждал, что для социального ученого важнее учитывать представления о ситуации действующего лица, нежели саму ситуацию, какова она есть на самом деле, поскольку действия зависят в первую

¹ В современной социологии атомизация понимается двояко. С одной стороны, это «расколотость» индивида в связи с его включенностью в различные социальные институты. С другой стороны, речь идет о недостаточном внимании исследователей к социальному контексту, социальным связям и отношениям при изучении социальной активности индивидов, как происходит, например, в теории рационального выбора.

очередь и в большей степени от этих представлений, чем от реальной ситуации. Второй подход в методологическом плане нам, конечно, ближе [Верлен 2002: 19].

Во-вторых, может возникнуть вопрос о необходимости использования нового понятия, если уже существует признанные социологией понятия «поле», «арена», «сектор», «игра» в отношении данного явления. Несмотря на вариативность идей теоретиков нового институционализма, во многом их представления относительно функций и интерпретации данных категорий близки. Речь идет, с одной стороны, о тематизации социального взаимодействия, а с другой стороны, поля выступают в виде «платформы», на которой разворачивается борьба между акторами за влияние и контроль над ресурсами данного поля. Этот властный, политический аспект присутствует и у Бурдье, и у Флигстина, и у Крозье. Наше же обращение к институциональному анализу не связано с проблематизацией властных взаимоотношений, поэтому использование данных понятий было бы ошибочным.

Таким образом, мы считаем вполне оправданным использование понятия «ситуация» для описания основных контекстуальных переменных первого уровня институциональной структуры. В ходе полевого исследования, изучив «ситуацию», социолог может ответить: кто есть, что происходит.

На втором уровне концентрируются нормы и правила ролевого поведения. Из них складываются различные институциональные предписания, формирующие модель ролевого поведения. Предназначение модели заключено в фиксировании того, что и в какой последовательности должен делать актер.

Акционизм отрицает тотальное воздействие различных социальных структур на социальное действие, при этом не отрицаются их существование и важность. Получается, что нормы и правила в обязательном порядке должны рассматриваться и изучаться, однако их влияние оказывается второстепенным, опосредованным ментальными структурами. Это означает, что действия индивида внутри института могут подчиняться правилам, укладываться в нормативные рамки, но понимание институциональных предписаний и их воспроизведение в практиках индивидуально окрашено. Напомним, что наша задача и заключается в стремлении уловить это своеобразие, неповторимость, что и почитается как внешнее проявление жизненного стиля.

Не принижая значимости институциональных правил, мы полагаем, что частичное их несоблюдение не может означать сбой в идентификации и «отчисление» актора из института. Не только акционизм наталкивает на подобный вывод, но и само современное общество – речь идет, конечно, о культурном полистилизме, предполагающем разночтения и вариативность ролевых предписаний, а также о процессах индивидуализации общества.

Приведем пример, иллюстрирующий оба уровня институциональной структуры. Ситуация: продавец и покупатель взаимодействуют на вещевом рынке по поводу купли и продажи товара, – это *первый уровень*. Ролевая модель продавца на рынке (вещевом) предусматривает его взаимодействие с потенциальными покупателями: он должен представить, подобрать и продать товар – соответственно это *второй уровень*. Однако на рынке, буквально в метре друг от друга, можно обнаружить продавца, активно рекламирующего свой товар, привлекающего покупателей; продавца, вступающего в коммуникацию только в случае, если покупатель проявляет какой-то интерес к товару; продавца, увлеченного беседой с приятелями; наконец, просто человека, по чьему поведению невозможно понять, продает он товар или охраняет его. По большому счету, поведение всех продавцов, за исключением третьего, в той или иной степени соответствует ролевой модели поведения. И тем не менее видно, что каждый из них по-своему проинтерпретировал институциональные предписания и соответственно выстроил свое поведение. Потому их различия заключаются не в том, что они делали, а в том, как они играли роль продавца. Здесь и обнаруживаются разночтения ролевых предписаний.

Типы исполнения роли для актора играют ориентирующую функцию, помогают в адаптации к новым ситуациям и ролям. Они подобны шаблонам, которые новоявленные герои перебирают в поисках подходящего. Поиск оптимального варианта остается в компетенции акторов. Следует отметить, что широта «ассортиментного ряда» шаблонов определяется не столько спецификой социального института, сколько личным и групповым (жизненным) опытом участников ситуации. Наборы шаблонов составят содержание *третьего уровня*. Поясним данную позицию на примере.

Как читают лекции начинающие преподаватели? Профессионализм в образовательной деятельности, как и в других ее видах, нарабатывается опытом, а пока его нет, – поведение спонтанно, мысли хаотичны, голос неустойчив. На помощь приходят шаблоны преподавания, заимствованные из художественных книг, фильмов, вспоминаются опыты студенческой жизни. Постепенно преподаватель вырабатывает свой собственный режим лекции, находит к аудитории свои «отмычки», как говорят актеры. Завершенный, устоявшийся способ «исполнения» преподавательских практик, опирающийся на модель ролевого поведения, сочетающий в себе скомпилированные фрагменты нескольких шаблонов, все-таки создается самим преподавателем. И этот результат – ни что иное как стиль, а точнее, институциональный стиль – последний, *четвертый уровень* институциональной структуры.

Категория «стиль» фиксирует нечто отличное, особенное, эксклюзивное. Возникает вопрос: когда поведение индивида можно квалифицировать как некий институциональный стиль, а когда нет? Должна ли любая спонтанная и (или) неадекватная практика идентифицироваться как институциональный стиль? Скорее всего, нет. «Стиль» подразумевает сформированную идею, т.е. артефакт или практика не могут быть восприняты как стиль до тех пор, пока они не приобретут завершенный вид. Поэтому и институциональный стиль формируется только в конце успешной адаптации или же, как в приведенном примере, освоенными профессиональными навыками. В процессе жизнедеятельности индивиды включены в целый ряд социальных институтов. Какие-то из них способствуют формированию институциональных стилей, какие-то – нет. Можно предположить, что это определяется такими параметрами института, как воспроизводимость и устойчивость ситуаций в нем, продолжительность функционирования индивида в институте.

Итак, процесс формирования институционального стиля осуществляется путем компиляции шаблонов. До сих пор остается неопределенной категория «шаблон», не раскрыты источники формирования наборов шаблонов, свойства этих источников и процесс их отбора. Ответы на эти вопросы помогут нам описать механизм включения индивида в новый для него институт, сопровождающийся процессом идентификации с соответствующей социальной позицией.

Шаблоны являются структурными элементами индивидуального сознания. Содержательно они представляют собой стилизованный образ действия – иными словами, паттерн исполнения конкретной роли. Предположим, «смотреть на всех свысока» и «устраивать публичные скандалы по любому поводу» – это образ поведения звезды шоу-бизнеса для одного индивида, в то время как для другого быть звездой может означать «быть в великолепной форме» и «иметь улыбку на миллион». Стилизация шаблона означает, что образ действия содержит определенную идею или четко выраженную линию поведения. Паттерны интериоризируются индивидами из социальной реальности², становятся частью их сознания. Шаблон должен быть воспринят и переработан внутренне, поэтому именно на этапе их отбора происходит пересечение внутренней, ментальной и внешней сторон жизненного стиля.

² Социальная реальность определяется нами в духе феноменологической социологии как сумма объектов и явлений социокультурного мира, каким она предстает перед обыденным сознанием человека.

Шаблоны исполнения роли для актора играют ориентирующую функцию, помогают в адаптации к новым ситуациям и ролям. Поиск оптимального варианта остается в компетенции акторов. Следует отметить, что широта «ассортиментного ряда» шаблонов определяется не столько спецификой социального института, сколько личным и групповым (жизненным) опытом участников ситуации.

Следует выделить три источника интериоризации шаблонов: в первом случае, шаблоны формируются в ходе непосредственной социальной активности, поэтому называются «прожитыми», во втором случае, речь идет о шаблонах, полученных по различным каналам коммуникации в виде информации, третьим источником является виртуальная реальность, также предоставляющая паттерны исполнения роли. Речь идет о громадном массиве информации, представленном в текстовом, аудио-, видео- и цифровом видах. Виртуальную реальность составляют произведения искусства: литературные тексты, музыка, живопись, кинематограф и др., но также и иные продукты современных рекламных, PR, игровых и иных технологий. Они становятся частью социальной реальности в том случае, когда они воспринимаются индивидами как свои собственные.

Существенное отличие шаблонов от референтных групп заключается в том, что шаблоны ситуативны, т.е. привязаны к конкретной социальной практике; фрагментарны, что можно объяснить существованием множества альтернативных вариантов и источников; пластичны, а значит, подвержены корректировке. Социальные паттерны не обладают по отношению к индивиду той степенью принуждения, которую имеют референтные группы. Концепция шаблонов противостоит теории референтных групп, позволяя избежать ограниченности гиперинституционализма. Индивид выступает конструктором социального института, адаптирующим его к новым реальностям, обновляющим его содержание и формы, а также добавляющим в него личные культурные смыслы. Рассматриваемый уровень институциональной структуры является своего рода воротами, через которые в социальный институт проникают новые «материалы» для процесса институционализации. На наш взгляд, концепция шаблонов (социальных паттернов) оставляет за индивидом право на построение своей идентичности – то право, которое он реализует в повседневной практике.

«Подготовленные» шаблоны, соотнесенные с ролевой моделью, воплощаются в практиках в форме институционального стиля – внешним проявлением жизненного стиля и четвертым уровнем институциональной структуры.

Таким образом, процесс формирования институционального стиля осуществляется путем компиляции шаблонов. Здесь возникает главный вопрос: как происходит отбор шаблонов? Почему одни шаблоны воспринимаются индивидом, в то время как другие – нет? Ответ на этот вопрос заключен на внутреннем, ментальном уровне стиля жизни, имеющем сложную структуру, включающую несколько компонентов. Рассмотрим их.

Первый компонент ментального уровня стиля жизни – когнитивный, отвечает за осознание индивидом институциональной ситуации и соответствующих институциональных предписаний. При помощи данного компонента происходит ориентация индивида в социальном мире, понимание своих и оппонирующих ролей. Отметим, что это перманентный процесс, что обусловлено, с одной стороны, разнообразием сфер жизнедеятельности современного человека, каждая из которых может быть подвергнута институциональному анализу, а с другой стороны, нарастающей динамикой социальных процессов в целом.

Следующий компонент связан с восприятием шаблонов, предлагаемых социальной реальностью, назовем его перцептивным. Перцепция – термин, употребляемый психологами, понимающими под ним форму целостного психического отражения предметов или явлений при их непосредственном воздействии на органы чувств. Мы же заимствуем его с целью подчеркнуть тот факт, что сознание индивида постоянно сталкивается со множеством разнообразных вариаций шаблонов, и прежде чем они будут преобразены в

институциональный стиль, паттерны должны быть восприняты, распознаны, т.е. определены как таковые. Это в свою очередь означает, что индивид самостоятельно идентифицирует их, производит соотнесение паттернов с заданными ситуациями и ролевыми моделями поведения. Результаты этого соотнесения могут быть различны.

Третий компонент ментальной структуры – селективный, именно он отвечает за отбор и принятие шаблонов. Что является критерием отбора, на каком основании он производится? Социологическая теория предлагает несколько вариантов, среди них – ценностные ориентации, диспозиции, установки, аттитюды. Оставим размышления о преимуществах и ограничениях каждого из вариантов за пределами статьи и перейдем непосредственно к нашему собственному выбору, а именно: к установкам – социальным аттитюдам, выражающим направленность на тот или иной вектор поведения. На наш взгляд, именно это понятие заслуживает пристального внимания.

Итак, установка фиксирует ориентацию не на ценность, а на определенную индивидуально осознаваемую и социально значимую потребность. Аттитюд определяется заинтересованностью индивида в некоем искомом благе: материальном, эмоциональном или же социальном, разница в данном случае не имеет значения. Речь идет о том, что в интересах конструируемой концепции стиля жизни мы считаем необходимым отказаться от разделения потребностей на первичные и вторичные. Более того, на наш взгляд, любое упорядочивание, классификация потребностей и соответствующих установок может привести к ограниченности теории, т.е. мы полагаем, что индивид самостоятельно проводит ранжирование потребностей в зависимости от сферы жизненной активности. Что в свою очередь означает допущение несовпадений актуализированных потребностей в разных институциональных ситуациях и, как следствие, качественную неоднородность, разноплановость выбираемых шаблонов. Отчасти именно этим фактом может объясняться несовпадение и противоречие интенций институциональных стилей, демонстрируемых индивидом в различных институтах. Например, строго дисциплинированное, ответственное, необщительное поведение индивида на рабочем месте и противоположное – бесшабашное, болтливое и рискованное поведение в неформальной обстановке, на отдыхе.

Селективный компонент внутреннего уровня стиля жизни может быть представлен в виде матрицы установок на те или иные векторы поведения, направленные на реализацию актуализированных потребностей. Именно благодаря имеющимся установкам производится отбор шаблонов исполнения институциональных ролей, предлагаемых социальной реальностью. Процесс восприятия, перцептивный компонент внутренней структуры стиля жизни «настраивается», работает в неразрывной связке с селективным компонентом. Подобная зависимость шаблонов от установок приводит к возможности индивидов давать оценки действиям других: нравится или не нравится; более того, понимать, что именно не нравится.

Что происходит далее, когда цели определены и шаблоны отобраны? Напомним, мы движемся в сторону создания институционального стиля как внешнего деятельного проявления стиля жизни. Отобранные шаблоны должны быть обработаны, за этот процесс отвечает четвертый компонент – креативный. Почему именно креативный? На наш взгляд, в основу социальных практик индивидов в эпоху полистилизма не может быть положено слепое копирование моделей поведения других людей, даже если учесть, что шаблоны интериоризируются не только из прожитой реальности, но и из виртуальной. Индивидуально не только их прочтение и понимание, но и воспроизведение. Поэтому действия людей не являются слепком, «ксерокопией» уже сыгранных кем-то до того ролей, всегда есть место для собственных импровизаций. Отобранные паттерны перерабатываются, компилируются, собираются «по кусочкам» в индивидуальный институциональный стиль. Таким образом, социальное действие приобретает интенциональный характер.

На данный момент мы описали процесс формирования институционального стиля с двух сторон: со стороны институционального анализа социального действия и со стороны индивидуального восприятия ситуации актора. Описанные процессы и явления характеризуют «вживание» индивида в новую для него роль. Возникает вопрос: что дальше? Напомним, одной из задач концепции стиля жизни является попытка преодоления атомизированного состояния индивида, к которому, как правило, приводит институциональный анализ. Постараемся преодолеть эту «разорванность» индивида, собрать его жизнедеятельность в единый стиль жизни.

Итак, большинство теоретиков стиля жизни сходятся во мнении (и мы с ними солидарны), что основная характеристика жизненного стиля – это его целостность, т.е. он определяет с большей или меньшей полнотой все жизненные проявления индивида. Собственно говоря, именно эта его черта дает категории исследовательские преимущества, поскольку позволяет «схватить» жизненный стиль не только из целой жизни, но даже из мелких ее деталей. Поэтому необходимо определить механизм, обеспечивающий интенциональное единство социальных практик индивида. Таким механизмом является габитуализация, т.е. наделение повседневных практик свойствами стереотипизированных и стабилизированных привычек.

Подчеркнем, габитус наполняют не просто практики, но институциональный стиль, который, в свою очередь, является продуктом не только социальных условий существования, как в социологии Бурдьё, а прежде всего, – четырех компонентов внутреннего уровня стиля жизни. Также габитуализации подвергается и ролевая модель поведения.

Таким образом, габитус – пятый компонент внутреннего уровня стиля жизни, благодаря которому интенции институциональных стилей получают возможность тиражироваться из одной институциональной ситуации в другие, тем самым объединяя проявления жизнедеятельности в единый стиль жизни, целостный и интенциональный.

В итоге, **стиль жизни** – социологическая категория, интегрирующая в себе жизненные практики индивида, объединенные и управляемые единой интенцией, целеполаганием и освоенными паттернами. Стиль жизни может быть понят в дихотомической связи со сложившимися, устойчивыми, безликими образованиями, т.е. социальными институтами.

Представление деятельной стороны стиля жизни в виде институционального стиля позволяет исследовать жизненный стиль при помощи неинституционального анализа, моделируя ролевое поведение акторов и ситуацию. При этом его концептуальная зависимость не только от внешних, институциональных элементов, но и от шаблонов, которые в свою очередь в обработанном, компилированном виде обладают интенцией, дает возможность зафиксировать качественную, смысловую сторону социального действия. Выявление же доминирующих сфер социальной активности индивидов и соответствующих им комбинаций установок внутренней стороны стиля жизни позволяет экстраполировать соответствующий институциональный стиль в другие институты на основании механизмов их трансляции, тем самым преодолевая социальную атомизацию индивидов.

Методологический принцип, называемый «эффектом сложения», позволяет производить процедуру агрегирования индивидов на основании подобия их жизненных стилей, а значит, переходить на уровень изучения социальных явлений и процессов, т.е. стиль жизни как теоретический конструкт приобретает прикладные, исследовательские функции.

Заключение

Российское общество характеризуется неустойчивостью социальной стратификации, неоднозначностью образцов идентификации. В такой социальной ситуации социологи вынуждены использовать самые разные парадигмы для описания наличной социальной структуры, которая, тем не менее, остается неуловимой. Поведение людей не укладывается в

социальные схемы «среднего класса», или профессиональных групп, или социокультурных страт. В этих условиях объективно возрастает значимость и эффективность методологии, учитывающей в полной мере индивидуальные социальные действия. Источником ее является парадигма, описываемая в разных терминах: акционизм, акционализм, неоинституционализм, фрагмент теории рационального действия и др.

Применение парадигмы акционизма позволило построить концепцию стиля жизни, которая, во-первых, отражает реальные поведенческие акты; во-вторых, фиксирует их своеобразие; в-третьих, учитывает институциональные ограничения социального действия; в-четвертых, описывает процессы формирования интенциональности социального действия; и главное, превращает индивида в деятеля, ответственного за свои поступки, а не в «робота-актера», бездумно следующего внешним предписаниям.

Акционистская парадигма предполагает, что стиль жизни находится в пределах компетентности индивида, его реализующего, и не является функцией социальных группировок.

Кроме того, стиль жизни обладает дуализмом существования: он выступает и в виде устойчивого основания, выстраивающего социальное действие, и в виде развивающейся, пластичной, флуктуирующей структуры. Стиль жизни не является раз и навсегда заданным элементом социального действия, жестко детерминированным прежним социальным опытом – габитусом.

Стиль жизни – это инструментальная категория. Ее эвристическая ценность состоит в том, что она способствует изучению широкого круга проблем, не связанных напрямую с проблемами внешнего оформления жизненных практик. Она применима, в том числе, для исследования потребительского поведения, семейного поведения, стратегий трудового поведения, при разработке социальных технологий, а также для изучения социальной стратификации общества.

Исходя из указанного представления, потребительское поведение есть лишь одна из эманаций, говоря философским языком, жизненных стилей, обладающих автономным бытованием по отношению к субкультурам. Потребительское поведение непродуктивно изучать в контексте исключительно социальной стратификации. Акционистский подход позволяет иначе сегментировать рынок, исходя из личностных предпочтений и ориентаций социальных актеров. Потребление – это не функция социальной, или социально-демографической структуры, но проявление индивидуальных установок, сформированных всей социальной средой, порожденных полным ансамблем социальных практик.

Литература

- Boudon R.* L'inegalité des chances. P.: Armand Colin, 1973.
- Boudon R.* Effets pervers et ordre social. P.: PUF, 1977.
- Bourricaud F.* Contre le sociologisme: Une critique des propositions // *Revue française de sociologie.* 1975. Vol. XVI. P. 583–603.
- Crozier M.* De la bureaucratia comme système d'organisation // *Archives européennes de sociologie.* 1961. Vol. 2. No. 1. P. 18–52.
- O'Neill J.* (ed.). *Modes of Individualism and Collectivism.* L.: Heinemann, 1973.
- Wrong D.* The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology // *American Sociological Review.* 1961. Vol. 26. No. 2. P. 183–193.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

- Бестужев-Лада И.В. Социологические проблемы образа жизни // Социологические исследования. 1974. № 2. С. 69–77.
- Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995.
- Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83. <http://ecsocman.edu.ru/jssa>
- Биггарт Н. Социальная организация и экономическое развитие // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 5. С. 49–58.
- Бурдьё П. Начала. Choses dites / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
- Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–48. См. также: Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 537–568.
- Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Бурдьё П. Некоторые свойства полей. http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/proprietes_des_champs.htm
- Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 146–156. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 33.
- Верлен Б. Объективизм Поппера и метод критического рационализма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 4. С. 3–24.
- Глотов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 13–19. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 44–56. См. также: Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131–158.
- Димаджио П. Культура и хозяйство // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. С. 45–65. См. также: Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 471–518.
- Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996.
- Зиммель Г. Философия денег // Теория общества. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 125–153.
- Ионин Л.Г. Философия и методология эмпирической социологии: учебное пособие. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2004.
- Иршорн М. Акционизм // Журнал социологии и социальной антропологии. Специальный выпуск «Современная французская социология». 1999. Т. II. С. 38–49.
- Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993.
- Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гришиани, Н.И. Лапина; сост. Э.М. Кроржева, Н.Ф. Наумова. М.: Политиздат, 1988.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Оллпорт Г. Личность в психологии. СПб., 1998.
- Пауэлл У., Смит-Дор Л. Сети и хозяйственная жизнь // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 3. С. 61–105. См. также: Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 226–280.
- Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 5–17. <http://ecsocman.edu.ru/socis>

- Радаев В.В.* Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // *Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 3. С. 5–26.*
- Ростовцева Л.И.* Поведение потребителей в пословицах и поговорках: институциональный подход // *Социологические исследования. 2004. № 4. С. 90–93.* <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Сведберг Р.* Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? // *Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 4. С. 42–43.* См. также: *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 111–130.*
- Социалистический образ жизни и современная идеологическая борьба. М., 1976.*
- Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Е.М. Аврамова и др.; Под ред. Т.М. Малевой; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2003.*
- Тевено Л.* Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие // *Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 1. С. 88–122.*
- Тербон Г.* О границах и динамике норм и нормативного действия. Социологическая рефлексия // *Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 4. С. 42–56.*
- Томас У., Знаниецкий Ф.* Методологические заметки // *Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 183–195.*
- Турен А.* Возвращение человека действующего. М.: Научный мир, 1998.
- Уильямсон О.* Экономические институты капитализма: фирма, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996.
- Ушакин С.А.* Количественный стиль: потребление в условиях символического дефицита // *Социологический журнал. 1999. № 3/4. С. 235–250.*
- Флигстин Н.* Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // *Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 4. С. 28–55.* См. также: *Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2002. С. 119–156.*
- Ципко А.* Образ жизни как социологическая категория: Историческая сущность и основные черты социалистического образа жизни // *Советский образ жизни: Сегодня и завтра. М.: Молодая гвардия, 1976.*
- Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. С. 96–97.
- Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения // *Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 89–105.*
- Янкова З.А.* Структура городской семьи в социалистическом обществе // *Социологические исследования. 1974. № 1.*